

УДК 111.84

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-10-23

Оправдание зла

Валерий Д. Губин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, goubin@list.ru*

Елена Н. Некрасова

*Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия, enekrasova@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются философские аспекты проблемы зла, его генезис и основные онтологические вопросы: соотношение добра и зла, абсолютность и относительность зла в истории и культуре, зло и трансценденция, зло и Бог, зло как парадокс человеческого существования, зло как наказание человеку и как возможность спасения. В своем анализе мы исходим из того, что добро и зло, – это крайние, редкие состояния, недостижимые для обычного человека. Добро и зло – это феномены жизни, живущие только в особом состоянии – напряжения, отчаяния, жалости, ненависти. Без этого трансцендирования (к Богу или дьяволу) добро и зло – это абстракции. Быть злым – значит иметь возможность, силу поднимать себя до демонического уровня или опускаться в пропасть животного состояния. Быть добрым – значит быть святым, по крайней мере очень живым человеком, в котором нет никакой мертвечины.

Ключевые слова: зло, добро, тайна, бытие, Бог, базовый смысловой горизонт

Для цитирования: Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Оправдание зла // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 10–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-10-23

Justification of Evil

Valery D. Gubin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, goubin@list.ru*

Elena N. Nekrasova

*Institute of Physics and Technology (National Research University),
Moscow, Russia, enekrasova@list.ru*

Abstract. The article considers philosophical aspects in the issue of evil, its genesis and principal ontological issues: the good and evil balance, the absoluteness and relativity of evil in history and culture, evil and transcendence, evil and God, evil as a paradox of human existence, evil as a punishment for man and as a possibility salvation. In their analysis, the authors proceed from the assumption that good and evil are the extreme that are unattainable for an ordinary person. Good and evil are the phenomena of life, living only in a special state – that of tension, despair, pity, hatred. Without that transcending (to God or the devil), good and evil are just abstractions. To be evil means to have the opportunity and power to raise oneself to the demonic level or sink into the abyss of the animal state. To be kind means to be holy, at least a very living person, in whom there is no carrion.

Keywords: evil, good, secret, being, God, the basic semantic horizon

For citation: Gubin, V.D. and Nekrasova, E.N. (2020), “Justification of Evil”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no 3, pp. 10–23, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-10-23

Зло во все века было для человека загадочным и трудно объяснимым феноменом. Неисчислимы попытки в истории философии и религии объяснить феномен зла – от трудов античных и средневековых мыслителей, от Августина, Фомы Аквинского, «Теодицеи» Лейбница, и далее, вплоть до XX в., до Ж. Бодрийера и его «Прозрачности зла». Внимание к проблеме зла не ослабевает и поныне. Пример тому – две замечательные международные конференции: конференция в Москве «Проблема зла и теодицеи» (2006) и конференция в Упсале «Зло» (2016).

Но зло, видимо, так и останется нераскрытой антиномией человеческого разума и будет оставаться таковой, пока жив человек, который тем не менее постоянно пытается ответить на вопросы: откуда в мире зло – от человека или от природы? Если зло от человека, то от его животной природы или от духовной? Как совместить наличие зла и существование Бога? Удастся ли человеку в конце

концов победить зло, или оно всегда будет вечным спутником, неизбежной тенью человека? Можно ли существовать без зла в обществе, где нет свободы, и как связаны между собой свобода и зло?

Зло можно понимать и интерпретировать двояко: во-первых, как субъективное намерение – желание отомстить, подчинить, освободиться и т. д. – огромный набор поступков и типов человека, от хронического неудачника до патологического психопата; во-вторых, как результат неизбежно возникающих обстоятельств, как некую объективную силу, вроде судьбы или дьявола, которую человек может только предчувствовать и подчиняться ей. Или не подчиняться, рискуя погибнуть.

Прежде чем дать содержательную, положительную характеристику зла, нужно прояснить, чем зло не является.

1. Зло не является следствием природных катаклизмов, животной природы и инстинктивной агрессивности, оно результат сознательных усилий человека.

Никакого зла нет в природе, как на Земле, так и в космосе. Страшные землетрясения, гигантские космические катастрофы, возможно, уносящие миллиарды жизней в других галактиках, не являются злом, это объективные законы природы. У природы нет намерений. Так же, как их нет у диких зверей.

Также не являются злом несовершенные социальные устройства, ведущие к войнам, революциям, нищете, высокой смертности. У истории также нет намерений. Ее законы, тенденции пробивают дорогу через действия больших масс людей, законы к этим массам совершенно равнодушны.

Во все века жила и занимала важное место в умах людей утопическая идея, согласно которой достаточно изменить бытие людей, преобразовать несовершенное общество, и человек будет лишен необходимости делать зло. Но зло лежит глубже социального измерения человека. Бог и дьявол борются в человеческой душе, и в человеке невозможна никакая окончательная победа добра над злом.

2. Зло не является результатом невежества, непонимания человеком своей истинной природы.

В свое время Сократ провозгласил: добродетель – это знание. С. Кьеркегор в «Болезни к смерти» писал, что основное положение Сократа как бы заранее оправдывает человека – ведь он не знал, что делает зло, не понимал этого. У Сократа не исследуется переход от понимания к действию. Сократ ничего не разъясняет, считает Кьеркегор, относительно неспособности и нежелания понять. Если люди не делают правого, объяснял Сократ, это происходит в силу непонимания. Однако христианство, в сравнении с язычеством, идет намного дальше и говорит: это происходит в силу отказа понять, проистекающего, в свою очередь, от отказа желать правого.

Сейчас, с высоты веков развития христианства, мы можем сказать: грех пребывает в воле, а не в сознании, и подобное извращение воли превосходит сознание индивида. Сократу в его определении: «никто не делает зла добровольно, а только по незнанию» не хватает воли, вызова. Греческая интеллектуальность, считал Кьеркегор, была слишком наивной, слишком эстетической, слишком ироничной, слишком насмешливой, слишком греховной, чтобы суметь понять, что некто со своим знанием, сознавая правое, может совершать неправое. Люди часто совершают злые поступки с полным пониманием того, что делают, зло может быть изощренным, детально спланированным и рассчитанным на много шагов вперед. Но такая нарочитость, как правило, скрывается человеком от окружающих, и даже от самого себя. Появляется масса рациональных оправданий, успокаивающих совесть и душу.

Правда, Сократ, возражая тем, кто, как Кьеркегор утверждал, что много есть негодяев, которые вершили зло с полным пониманием того, что делают, сказал бы: Да нет! Они не понимают! Понимание – это нечто другое. К нему не приходят через чтение нравственных книг, оно не передается в уроках мудрости учителя. Настоящее понимание – это то, что переворачивает душу, что способствует второму рождению человека, рождению в духе. Тем не менее то, что говорил Сократ, можно интерпретировать и в духе Кьеркегора.

Анализируя проблему зла, обозначим несколько аспектов этого феномена.

Зло абсолютно. Оно многообразно, насыщенно, всепроникающе и, главное, обыденно. Если добрый поступок нас восхищает и удивляет, то обман, жадность, корысть, насилие зачастую кажутся само собой разумеющимися событиями, которые сопровождают человека на его жизненном пути. Зло кажется непобедимым. Иногда оно отступает, но это временное отступление.

Что бы ни совершал человек и чего бы ему ни удавалось добиться, какие бы технические, социальные, умственные усовершенствования он ни вносил в свою жизнь, но принципиально, перед лицом вопроса о смысле жизни, завтрашний и послезавтрашний день *ничем* не будет отличаться от вчерашнего и сегодняшнего. Всегда в этом мире будет царить бессмысленная случайность, всегда человек будет бессильной былинкой, которую может загубить и земной зной, и земная буря, всегда его жизнь будет кратким отрывком, в который не вместить чаемой и осмысляющей жизнь духовной полноты, и всегда, зло, глупость и слепая страсть будут царить на земле¹.

¹ Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 161–162.

Тонкая пленка цивилизации отделяет нас от бездны зла. Зло кажется более сильным в сравнении с добром. Для злых поступков всегда есть конкретные причины, для добрых – чаще всего нет. Всегда можно сказать, почему украл, почему убил. Добрые поступки неестественны, потому что не имеют естественных причин. Я спас человека не почему-то, а потому что не мог не помочь, я люблю не почему-то, а потому что не могу не любить. Мы не удивляемся, видя лень, жадность, жестокость, это все естественно, это соответствует нашей животной природе, но всегда удивляемся человеку, готовому отдать последнюю рубашку, готовому пожертвовать жизнью. Можно сказать, что добро, в отличие от зла, не из этого мира, оно не укоренено в нем, не является законом этого мира. Зло в этом смысле кажется более онтологичным (бытийственным) в сравнении с добром, которое обладает только аксиологической (ценностной) природой. Зло – это не отсутствие добра, как утверждали многие философы и богословы. Скорее добро проявляется там, где зло временно отступает. Добро чаще всего отсутствует.

Века духовной и нравственной дрессировки человека, предпринятые христианством, по большому счету ничего не дали, не привили никакого иммунитета против зверства, и как французская революция была взрывом беснующейся черни, так и двадцатый век, самый выдающийся по достижениям науки и культуры, обернулся неслыханными ранее преступлениями против человечности.

Зло – это реальное действие, которое посягает на существование другого, пытается его разрушить или подчинить себе. Злом – какие бы формы оно ни принимало – от оскорбления до убийства – является все, что приносит человеку вред, страдание, смерть.

Злом в онтологическом смысле является все то, что угрожает бытию объектов, вызывает их полное или частичное разрушение. Прочие виды зла производны от этого основного: болезнь, утрата имущества, близких, доброго имени, смысла жизни и т. п. Все они представляют собой разные способы перехода от бытия на более высокой ступени к бытию на более низкой, т. е. различные движения в сторону небытия [Скрипник 2006, с. 166].

Сила зла увеличивается пропорционально увеличению его анонимности. Откровенные злодеи, тираны, фанатики по-прежнему встречаются в истории каждого народа. Но сейчас чаще вместо ярких злодеев, «гениальной посредственности», черных демонов зла приходят маленькие серые, невзрачные людишки, и очередной серый «начальник» становится таким же злом для народа, как и великий военный преступник; таким же злом, как выбросы какого-нибудь

химического завода. «Замечали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины иной раз в подметки не годились, и если они не так ярко бросаются в глаза, как Атиллы и Стенька Разин, так это именно потому, что они слишком часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались»², – писал еще в XIX в. Достоевский.

Относительность зла. Зло всегда осуществляется в тесном взаимодействии с добром, на фоне добра. Оно борется с добром, ослабляет его, подрывает веру в возможность добра. Зло всегда отрицательная сила в сравнении с добром, на то оно и зло. С ним надо бескомпромиссно бороться. Но все же его отрицательность относительна. То, что считается злом, может оказаться добром, и наоборот, добрые поступки могут обернуться большими нравственными потерями. Так, неизбежность и неотвратимость конечной победы зла особенно наглядно выступает в смерти. Смерть естественна с точки зрения природных процессов, но неестественна для человека как духовного существа ни в какой фазе его существования. Смерть всегда является для него самым большим и самым главным злом. Но лишить человека смерти, т. е. сделать его бессмертным в результате генетической революции, тоже жуткое наказание. Такое бессмертие, считал Ж. Бодрийяр, к которому стремится современная наука, сделает невозможным исчезновение. Ничто (даже Бог) не исчезает более, достигнув своего конца или смерти. Распространяемое подобно вирусу или метастазам, оно делает ненужным разделение полов, сексуальность, наконец, любовь, оно омертвит все вокруг³.

Таким образом, зло может быть союзником добра. Жизнь не имеет смысла, если не заканчивается смертью. Человек должен знать, что времени мало и надо за короткую жизнь успеть что-то сделать. Смерть мобилизует.

Перед лицом смерти человек оказывается один на один с самим собой, именно здесь его субъективность и индивидуальность проявляются в наибольшей степени. Только смерть порождает такую ситуацию, когда конкретный индивид оказывается незаменимым, когда он полностью идентифицируется с самим собой, когда он не может передать свою смерть никому другому. Поскольку никто не может умереть за меня, то в этой ситуации, когда я оставляю мир, я наконец обретаю самого себя. В этом контексте смерть есть, согласно Деррида, *дар обретения себя*⁴.

² Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Бесы. Записки из подполья М., 1994. 528 с.

³ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 37.

⁴ Derrida J. Donner la mort. Paris, 1994. P. 48–49.

Человек никогда не станет ангелом. Глупость, жестокость, жадность, жажда власти всегда будут с человеком, пока он существует. Человек, – говорил Блез Паскаль, – не зверь и не ангел, но он превращается в зверя, притязая на то, чтобы стать ангелом. Зло живет в каждом. Человеку необходимо зло, он без него неполноценный человек, абстрактный. Мир невозможен без Бога, и точно также невозможен без дьявола, без зла. Часто источником зла являются добрые намерения. Быть добрым – это искусство, также как быть умным, влюбленным, верующим, вообще владеть искусством жизни, если не владеешь, то будешь творить зло. Зло, в отличие от добра, естественно, и никакого искусства не требуется для злых поступков. Быть добрым намного труднее, чем быть злым. Люди всегда стремятся делать добро, сознательно и открыто стремиться к злу кажется ненормальностью, психической патологией. И тем не менее, писал С. Франк,

...все горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови, все бедствия, унижения, страдания по меньшей мере на 99 процентов суть результат воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые необходимо немедленно насадить на земле и волю к истреблению зла; тогда как едва ли одна сотая доля зла и бедствий обуславливается действием откровенно злой, преступной и своекорыстной воли⁵.

Зло и трансценденция. Несмотря на кажущуюся очевидность и понятность злых и добрых поступков, состояния, при которых творятся реальные добро и зло, – это крайние, редкие состояния, недостижимые для обычного человека. Чаще всего обычный человек на них не способен. Он может случайно совершить злой или добрый поступок. Или не совершить – случая не представилось. Большинство людей так и живет. Они, конечно, совершают добрые и злые поступки, но совершают чаще всего автоматически, нечаянно, не страдая и не мучаясь собственной глупостью или несовершенством, не надеясь, что их дела могут произвести большое впечатление на окружающих, поскольку и дела мелкие, и поступки необязательные. Таковую жизнь, видимо, можно, без преувеличения, назвать счастливой жизнью. Человек не стоит перед тяжелыми нравственными проблемами и не задает себе вопросы, подобно Гамлету.

Как глубокая мысль никогда не приходит в голову автоматически, так и серьезные нравственные проблемы не возникают сами

⁵ Франк С.Л. Сумерки кумиров // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 128.

по себе, а представляют собой душевное или духовное потрясение, нечто вроде несчастного случая. Словно на мину наступил, и теперь уже никуда не деться, надо что-то предпринимать – бросаться в сторону или жертвовать собой. Прежняя благополучная жизнь кончается, и перед человеком открываются другие горизонты: смерть, надежда, любовь, страх и т. д. Но очень часто люди даже не замечают, что наступили на мину, тем более, не всякая мина обязательно взрывается.

Зло и Бог. Самый древний и вероятно самый важный вопрос: откуда в мире зло, если есть Бог? Иногда проблемы оказываются такими серьезными, что человек, решая их, в чем-то перестает быть человеком, выходит за рамки собственно человеческого. Стремится совершить подвиг, спасти кого-то от смерти, помочь умирающему от голода. Или, наоборот, замучить человека, предать его, убить, оклеветать. Добро и зло – это феномены жизни, живущие только в особом состоянии – напряжения, отчаяния, жалости, ненависти. Без этого трансцендирования (к Богу или дьяволу) добро и зло – это только слова, абстракции. Быть злым – значит иметь возможность, силу поднимать себя до демонического уровня или опускаться в пропасть животного состояния. Быть добрым – значит быть святым, по крайней мере очень живым человеком, в котором нет никакой мертвечины.

Понять человека невозможно без его отношения ко злу. Зло укоренено в человеке. Животное, звериное начало в человеке во все века и подавлялось, изгонялось и культивировалось, почиталось. Человек воспринимался в народной традиции не только как «Божья тварь», не только как «человек Божий», но и как «Божий зверь». Догадка о переплетенности человека и зверя уходит вглубь веков. Древние греки превращали бога-человека в бога-зверя. Чего больше в человеке – животного, плотского, могучей биологической силы и энергии, мощного инстинкта, который помнит все, что нужно для выживания, для победы над врагом, или необычайно острого ума, интеллекта, дара воображения? Человек становится человеком, преодолевая в себе животные страсти и инстинкты, но не теряет ли он при этом нечто не менее важное и глубокое, составляющее обязательную часть его природы?

Мир невозможен без Бога, и точно так же невозможен без дьявола, без зла. Человек должен нести в себе эти начала, он распят между двумя ипостасями – ангельской и животной, но, пытаясь остаться в одной из них, он не может оставаться человеком.

Зло – обязательный, необходимый элемент жизни. Если бы в мире существовало только добро, неизбежно наступило бы обожествление мира, и в результате Бог оказался бы не нужен. Суще-

ствование же зла, акцентируя случайный, необязательный, а значит, «небожественный» характер окружающего нас мира, указывает на необходимость существования Абсолюта – Бога, его Творца. Если бы законы природы требовали, чтобы люди жили в мире и согласии друг с другом, и с высоты этих законов ложь, грубость, насилие считались бы чем-то неестественным, то человек был бы приговорен к добру. И оно рано или поздно восторжествовало бы в мире, несмотря на сопротивление всевозможных мракобесов, людоедов, самолюбивых эгоистов и завистников. Рано или поздно общество совместными усилиями его граждан исправило бы человеческую природу и постоянно корректировало бы, гасило возникающие время от времени отклонения. Но таких законов природы нет. А принудительное добро перестает быть добром.

Бог потому и нужен человеку, что в мире есть зло. Победить зло можно, лишив человека свободы, т. е. самого главного, что дает человеку Бог.

Парадоксы зла. Говорят, что зло можно победить лишь с помощью другого, большего зла. Часто экономический и социальный прогресс в истории вызван алчностью, властолюбием. Но столь же часто оказывается, что со злом шутки плохи, что многое, построенное на крови и насилии, хрупко и ненадежно. Зло есть вызов нашей мысли, поскольку зло – это парадокс – сила, способная погубить и способствующая открытию внутренней душевной глубины человека. Парадокс, неразрешимый в жизни, углубляющий и изодряющий наше мышление. Очень странную фразу можно прочесть у Достоевского: «Только внутренне глубокие люди способны на зло». Эта глубина, бездонность в человеке открывается в специфических обстоятельствах, в человеке, «отпущенном на свободу», вышедшем из-под закона, из-под космического порядка». Возможно, речь идет о том, чтобы вырваться из стадного состояния, перестать быть покорной клавишей, по которой стучит палец судьбы. Очень трудно осознать себя клавишей, осознать свою ограниченность, безнадежную унылость существования, о которой человек чаще всего не догадывается. Когда он приходит к сознательной жизни, оказывается, что все места уже заняты, все дела сделаны, все мысли высказаны. И ему уже нет места в этом мире. Он мог бы и не существовать вовсе. Мир не стал и не станет лучше, как без него, так и с ним. А хочется оставить свой след, хоть незначительный, но мой собственный! Хочется прокричать: это я, Господи! Человек однажды остро чувствует, как его засасывает обыденная жизнь – с ее регламентациями, правилами, запретами, законами. Все, что ты ни делаешь, совершается вовсе не по твоему желанию, а по законам природы.

Иногда единственный путь к утверждению себя – преступление. Только пройдя через него, можно стать нравственным. Только осознав в себе дьявола, можно обратиться к Богу. Преступление – не обязательно деяние, но даже только готовность к нему, предрасположенность. Принципиальная готовность однажды, говорил подпольный человек Достоевского, взять и столкнуть все это благоразумие с одного разу ногой, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить, ощущение ненависти ко всем тем банальным ценностям и идеалам, которые разделяются огромным большинством людей, и холодное презрение к огромному большинству. Как мир без зла, без этой рельефной тени был бы плоским и безрадостным, так и человек без этой внутренней раздвоенности, без трагичности существования является скучным, пресным, банальным индивидом, штифтиком.

С преступлением вскрывается один из этих темных родников наших идей и ощущений, и тотчас вскрываются перед нами духовные нити, связывающие мироздание и все живое в нем. Знание этого-то именно, что еще закрыто для всех других людей, и возвышает в некотором смысле преступника над этими последними. Законы жизни и смерти становятся ощутимыми для него, как только, переступив через них, он неожиданно чувствует, что в одном месте прервал одну из таких нитей и, прервав, – как-то странно сам погиб. То, что губит его, что *можно ощущать только нарушая*, – и есть в своем роде «иной мир, с которым он соприкасается»; мы же только предчувствуем его, угадываем каким-то темным знанием⁶.

Лучше уж мучиться этой разорванностью, страдать, зато пребывать в ясном сознании того, что происходит с тобой и миром вокруг. Лучше жить тяжелой трудной жизнью, в которой ничего не может быть заранее рассчитано, ошибаться, страдать, любить, ненавидеть и постоянно мучиться от собственной глупости и несовершенства, но все-таки жить, – и это прекрасно видел Достоевский:

И хоть жизнь наша в этом проявлении выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня. Ведь я, например, совершенно естественно хочу жить для того, чтоб

⁶ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собрание соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 47.

удовлетворить всей моей способности жить. Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает; это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врёт, да живет⁷.

Нельзя воспитать человека, неспособного к злу. Только он сам через преступления, муки, страдания, наказания может иногда достигать состояния духовной просветленности, благодати и внутреннего покоя. И за эту возможность он готов против всех законов пойти, против рассудка, чести, покоя, благоденствия. Человеку не нужны ни счастье, ни благоденствие, если он их сам не завоевал.

И, вероятно, если бы человеку пришлось выбирать между миром, в котором царит постоянное спокойствие и счастье, и миром, где царят зло и страдание, он выбрал бы второй, потому что в этом мире что-то зависит от него, потому что его не устраивает «общее стадное счастье зеленых пастбищ» (Ф. Ницше), когда его уже никто не будет спрашивать – доволен ли он такой счастливой жизнью или нет?

Может быть, страдание-то ему ровно настолько же и выгодно, как благоденствие? А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт. Тут уж и со всемирной историей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человек и хоть сколько-нибудь жили. Что же касается до моего личного мнения, то любить только одно благоденствие даже как-то и неприлично. Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно. Я ведь тут собственно не за страдание стою, да и не за благоденствие. Стою я... за свой каприз и за то, чтоб он был мне гарантирован, когда понадобится⁸.

Когда человек живет законопослушно, то зло дремлет в нем, чаще всего так и не выходя наружу, и человек сам не подозревает о скрытых в нем безднах. Отчего так бывает, спрашивает подпольный человек Достоевского, что как раз в те минуты, когда я наиболее способен был сознать все тонкости «всего прекрасного и высокого», мне случалось уже не сознать, а делать такие неприглядные деяния, которые хоть и все делают, но которые как нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать? Чем более я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже яд опускался в мою

⁷ *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. С. 458.

⁸ Там же. С. 461.

тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней. Разве мы не любим иногда хаос, разрушение, беспорядок еще жаднее, чем правильность и созидание?

Все эти рассуждения звучат резким диссонансом для классического гуманизма, возвеличивающего разум как путеводную звезду человечества, разум, который, в конце концов, покончит со злом и приведет общество к счастью. Зло, смерть, страдания, с точки зрения разума, неестественны для человека. А потому всякая попытка исследовать проблему зла, понять его происхождение оказывается, с точки зрения классического гуманизма, попыткой оправдания зла.

Но зло не проблема, которую можно решить конечным числом шагов, а тайна, тайна неизбежности зла, его темной искушающей власти. Зло всегда притворяется добром. И чем сильнее притворяется, тем оно убедительнее. Можно сказать, что на зле лежит отсвет добра. И потому часто обыденное тусклое зло выглядит драматичным.

Зло и бытие. Наиболее распространена в религиозной и философской литературе привативная концепция зла. Зло – это отсутствие добра. Зло – ничто. Оно не существует. Существует только добро. Если человек не хочет или не умеет делать добро, он приносит зло. Зло (лат. *privatio* – отсутствие) как отсутствие добра, отсутствие бытийной формы и внутреннего совершенства. Но зло, – пишет А.П. Скрипник, – это не само небытие, не ничто как таковое, а реальное действие, которое посягает на существование другого, пытается его разрушить или подчинить себе. Сведение зла к небытию – это неосознанная субстантивация (– в греческом эквиваленте) грамматического и логического отрицания [Скрипник 2006, с. 167].

Зло невозможно свести к небытию. Оно может быть действующим, положительным и ярким. «Действительно ли зло это всегда отсутствие чего-либо и только лишь отсутствие? А также, нет ли в природе зла каких-то так называемых „положительных“ аспектов? Ведь зло, понимаемое как своеобразная дисгармония, представляет собой вид активности бытия, в значении дегенерации и онтологического регресса» [Мжиглуд 2013]. То есть зло – особый вид бытия.

Человек стремится к счастью, однако настоящее счастье вовсе не исключает существования страдания, которое у человека почти произвольно ассоциируется со «злом». Так как Бог в своей безграничной мудрости хорошо знает, что существуют такие ценности и такие блага, которых человек может добиться, лишь пройдя через боль или страдание, и даже смерть. В таком случае оберегать от страдания – значит лишить нас большего блага.

Осмысленно говорить о зле – значит говорить о нем не как об отсутствии добра или отсутствии бытия, но и как о какой-то «положительной» природе и последствиях деления бытия в Логосе. Без наличия зла нет возможности переживать добро: как без жажды – ее удовлетворения, без голода – насыщения, и т. д. Человеческая натура устроена таким образом, что нуждается в этих бинарных противостояниях для того, чтобы обладать возможностью переживания. «В этом случае, – отмечает А. Добжански, – надевание добра онтологическим статусом и отказ в этом статусе злу является глубокой системной ошибкой, поскольку два феномена могут рассматриваться как являющиеся взаимозависимыми и взаимоопределяющими лишь поскольку они обладают одинаковым бытийным статусом» [Добжански 2010].

Бог не знает зла, как не подвластен он эмоциям, переживаниям, страданиям. Только для свободного человека добро и зло являются собой базовые смысловые горизонты познания, понимания, оценивания и творчества.

Напрасно полагают, что способность человека к злу есть показатель его ущербности, результат то ли божественной, то ли природной недоработки. Способность ко злу – это подарок человеку, выбивающий его из животного состояния к беспросветному отчаянию и к возможной надежде на спасение. И, вероятно, другого пути, кроме как через зло, для спасения нет.

Литература

Добжански 2010 – Добжански А. О возможности философской онтологии зла: к постановке проблемы // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2010. Вып. 4 (32). С. 33–42 [Электронный ресурс]. URL: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/1/32> (дата обращения 24 сентября 2020).

Мжиглуд 2013 – Мжиглуд П. «Метафизика зла» – природа, причины и попытка герменевтического описания // Credo New. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19210-metafizika-zla-priroda-prichiny-i-popytka-germenevticheskogo-opisaniya.htm (дата обращения 24 сентября 2020).

Скрипник 2006 – Скрипник А.П. Зло как онтологическая проблема // Проблема зла и теодицеи. М., 2006. С. 166–173 [Электронный ресурс]. URL: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/index/1> (дата обращения 24 сентября 2020).

References

- Dobjanski, A. (2010), "On the possibility of a philosophical ontology of the evil. Towards a formulation of the issue], *Vestnik PSTGU I: Theology. Philosophy*, iss. 4 (32), pp. 33–42, available at: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/1/32> (accessed 24 September 2020).
- Mzislud, P. (2013), "Metaphysics of the evil' – a nature, reasons and an attempt at the hermeneutic description", *Credo New*, no 2, available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19210-metafizika-zla-priroda-prichiny-i-popytka-germenevticheskogo-opisaniya.htm (Accessed 24 September 2020).
- Skipnik, A.P. (2006), "The evil as an issue of ontology", *Problema zla I teoditsei* [An issue of the evil and theodicy], Moscow, Russia, pp. 166–173, available at: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/index/1> (Accessed 23 September 2020).

Информация об авторе

Валерий Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; goubin@list.ru

Елена Н. Некрасова, доктор философских наук, профессор, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Московская обл., Россия; 141701, Россия, Московская обл., г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9, enekrasova@list.ru

Information about the authors

Valery D. Gubin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; goubin@list.ru

Elena N. Nekrasova, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudnyi, Moscow Region, Russia; bld. 9, Institutskii Lane, Dolgoprudnyi, Moscow Region, Russia, 141701; enekrasova@list.ru